
Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Terra, 1994.
OCR Бычков М.Н.

I

Рано-рано утром, еще до рассвета, в квартире все поднялись и зажгли огни. За окнами еще стояла синяя ночная мгла, но она уже была тронута сероватым оттенком приближающегося утра. Было холодно, все тело пробирало мелкой дрожью, глаза резало, и было чувство глубокого несчастья, какое всегда испытывает насильно разбуженный человек.

В столовой готовили кофе, и пока мистер Френч старательно, вздрагивая от прикосновения твердых холодных воротничков крахмальной рубахи, застегивал тугие запонки, там слышались сдержанные озабоченные голоса и резкий звон, посуды.

- Томми, кофе готов... уже пять часов, - робко позвала Френча его жена, и ее молодой голос показался каким-то особенным. -

Френч чувствовал, как будто что-то давит ему под ложечку, отчего трудно дышать и нервы раздражаются.

- Да, сейчас, - сердито, напрасно стараясь сдержать свое раздражение, отозвался он, одернул черный сюртук, в котором его бритая фигура с крутым характерным подбородком казалась такой представительной и интеллигентной, и вышел в столовую.

Жена робко взглянула ему навстречу и сейчас же отвернулась, представившись, что занята кофе. И то несколько самодовольно-горделивое чувство, которое вчера и позавчера испытывал Френч, сообщая знакомым и жене, что он, Френч, будет присутствовать при казни, опять пробудилось в нем. Ему казалось, что в нем самом есть что-то особенное, сильное, неуклонное, как само правосудие. Несомненно, что он чувствовал себя до известной степени героем. Слабой женщине, жене его, было, конечно, страшно, но он, Френч, был выше этого, сознавая, что исполняет огромный общественный долг.

Но странно, что, несмотря на это непоколебимое сознание, как будто не оттого, что в столовой было холодно (хотя несомненно, что холодно было), все тело не переставало дрожать мелкой неприятной внутренней дрожью, и Френч никак не мог совладать с нею.

Пока он, не ощущая вкуса, пил кофе, стараясь делать это совершенно так же, как и всегда, жена молчала и упорно смотрела в сторону. Ее молодое и красивое лицо было бледно, как будто ей нездоровилось.

- Ну, пора... - сказал Френч, посмотрев на часы, и встал.

И у нее одновременно что-то упало внутри, но оба притворились спокойными. Только уже в передней, когда Френч искал калоши, жена робко сказала:

- Томми, а ты не можешь разве заболеть?..

Острое раздражение вдруг вспыхнуло во Френче, точно она упрямо и незаслуженно оскорбляла его.

- Чего ради!.. Мне это совершенно не нужно! - высоко поднимая брови и нервно пожимая плечами, возразил Френч.

- Все-таки тяжело... ты расстроишься... - еще неувереннее пробормотала жена.

Все кипело в груди Френча. Ему вдруг захотелось закричать, даже ударить ее. Но он сам не знал, почему это, и сдержался.

- Понятно, не легко... Но если бы все так рассуждали, то для злодеев и убийц ничего не было бы лучше!.. Что-нибудь одно: или мы граждане, оберегающие общественную безопасность, или нет!..

Он сказал еще несколько фраз в этом смысле и, пока говорил, почувствовал, что его как-то облегчает.

"В самом деле, - подумал он, точно это первый раз пришло ему в голову. - Я исполняю долг!"

И в нем опять пробудилось сознание себя героем, самоотверженно и мужественно исполняющим этот печальный долг.

Жена смотрела ему в глаза и кивала головой, как бы соглашаясь, но это было только потому, что она ничего не могла возразить.

- В самом деле долг, что ж делать! - успокаивала она себя и тяжело